

Л. И. Богданова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ В АКТАНТНОЙ РАМКЕ ГЛАГОЛА

Статья посвящена рассмотрению оценочно-ценностных компонентов значения, способных влиять на способ обозначения объектов в актантной рамке глаголов эмоционального состояния. Основная задача работы – показать, как оценка, положительная или отрицательная, отражающаяся в глагольной семантике, влияет на концептуализацию объектов и тем самым на синтагматическое поведение глагола.

Язык далеко не случайно понимается как универсальное средство организации любой деятельности [1; 2]. Именно язык передает человеку знание норм мышления и социального поведения. Как особый способ концептуализации знаний о мире, он способен отражать «коллективную философию» носителей языка, причем, не только в лексике, но и в грамматике. Лексика способна дополнять, уточнять грамматику и даже в определенных случаях подчинять ее себе.

Обращение к проблеме взаимодействия лексики и грамматики на примере взаимообусловленности значения глагола и глагольной сочетаемости помогает частично эксплицировать запечатленное в языке отношение человека к себе, к другим людям, к миру. Необходимость исследования взаимосвязи различных языковых явлений и объяснения причин их взаимообусловленности побуждает искать новые способы представления глагола

в русской грамматике. К настоящему моменту все более очевидной становится потребность в создании грамматики для «активных» речевых действий. Деятельностная научная парадигма к настоящему моменту постепенно «утверждается во всех науках о человеке, от изучения разнообразных речевых расстройств до педагогики и менеджмента» [3, с. 375].

Построение грамматики «деятельностного» типа – применительно к русским глаголам – может быть основано на актантной теории [4], реализующейся на уровне предикатных слов. Актантная рамка глагола способна отображать ситуации с разным количеством участников – актантов, среди которых в данном исследовании особенно значимыми оказываются субъект, объект и адресат.

Исходя из глагольной семантики, мы можем выяснить, какие именно компоненты значения способны указывать на предпочтительный способ грамматического оформления данных актантных позиций при глаголе. Необходимым и целесообразным считаем выделение диагностических семантических признаков, способных объединять глаголы разных лексико-семантических групп. К такого рода признакам, обладающим объяснительной и предсказующей силой, относятся оценочные значения, которые формируют субъективный компонент семантики глагола.

Разграничение в семантике слова объективного содержания, отражающего реальное положение дел, и субъективных характеристик, предназначенных для выражения оценки тех или иных явлений субъектом речи, необходимо как для адекватного понимания смысла сообщения, так и для продуктивных речевых действий, особенно при активном воздействии на собеседника в процессе говорения и письма. Слова, включающие в свое значение субъективный оценочный компонент, характеризуются наибольшим «отрывом» от объективных признаков предметов. Их содержание во многом определяется оценкой, которая обусловлена «субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определенной части общества...» [5, с. 50]. Таким образом, одни и те же явления разными людьми могут восприниматься как противоположные по оценке. То, что для одного человека – *настойчивость*, для другого – *наглость*; *трусость* может восприниматься как *осторожность*, *лживость* – как *дипломатичность*; *смелость* оборачивается *безрассудством*; *скупость* может оцениваться с иных позиций как *экономность* и *хозяйственность* и т. п.

Субъективный фактор оказывается особенно значимым при рассмотрении глаголов, обозначающих межличностные отношения. Рассмотрим роль оценки на примере оформления актантных позиций глаголов, обозначающих эмоциональное состояние, связанное с самооценкой, с отношением к себе, к своим поступкам и качествам. Следует отметить, что в нравственной жизни человека отношение к поступкам нередко оказывается важнее самих поступков.

Обращение к сфере самосознания личности позволяет выделить группу глаголов, выражающих идею недовольства собой. Негативная самооценка характеризует, в частности, семантику глаголов, включающих компонент 'стыд'.

Стыд определяется толковыми словарями как «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» [СОШ]. В семантическую группу с общим значением стыда входят глаголы *стыдиться, стесняться, смущаться, тушеваться, конфузиться, совеститься, краснеть*, дериваты (*застыдиться, постесняться, сконфузиться* и др.), а также аналитические конструкции типа *испытывать неловкость, смущение* и др.

Негативная «внутренняя» самооценка требует оформления актантной рамки следующим способом: **кто/чего (за что)/перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н., испытывать неловкость за что-н. перед кем-н.** и т. п.

Ситуации стыда, стеснения, смущения порождаются, как правило, вследствие негативной самооценки, на которую указывает значение этих глаголов, что чаще всего приводит к оформлению объектной позиции, если она оказывается необходимой, с помощью родительного падежа без предлога: *стыдиться своей внешности, стесняться своей бедности, совеститься своего поведения*. Примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] подтверждают эту закономерность:

Он стыдился этой связи, но она была удобна (И. Грекова. Фазан, 1984);
...он менее всего совестился своих лохмотьев на улице (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866);

...[он] не стесняется своего поражения, он посмеивается, разглядывая те проигранные Зубру схватки (Д. Гранин. Зубр, 1987).

Проанализированный материал обнаруживает связь эмоций стыда и страха, которая проявляется на синтагматическом уровне. Стыд в своей основе воспринимается как страх отвержения обществом. Когда человек чего-то боится, он стремится отторгнуть от себя этот пугающий объект. Так и человек в состоянии стыда отчуждает от себя то, что причиняет ему мучения или дискомфорт. И в этом плане показательно, что объектная позиция и при глаголах страха, и при глаголах стыда оформляется одинаково – с помощью родительного падежа без предлога: *опасаться инфекции/стыдиться болезни, бояться экзаменов/стесняться полноты*. Ср.: *Он не волновался, не стыдился своих недавних слез, не страшился своей судьбы, не хотел хорошего исхода* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3, 1960) [НКРЯ].

Объектное значение при глаголах, описывающих эмоциональное состояние, всегда осложняется причинным значением, поэтому закономерно, что объектная позиция может быть оформлена и с помощью прямого указания на причину такого состояния: *стыдиться, смущаться, стесняться из-за чего:*

От начальника не укрылся этот ее жест стыда, и он решил, что она **стесняется** перед ним **из-за своих ложных показаний** (Ф. Искандер. Софичка, 1997) [НКРЯ].

Если речь идет о стыде за ситуацию, которую субъект способен каким-то образом контролировать (слова, поступки, действия), то становится возможным оформление объектной позиции с предлогом **за**: **стыдиться своих слов** и **стыдиться за свои слова**. Ср.: **И, конечно, сконфузился за свою неловкость, за то, что девушка испугалась грохота** (Г. Полонский. Не покидай, 1998) [НКРЯ].

Если в объектной позиции при глаголе представлен неотчуждаемый объект, то на употребление предлога **за** накладывается своего рода запрет. Нельзя сказать: ***он стыдился за свою внешность, за свою болезнь, за свои руки, ноги** и т. п. Ср. примеры [НКРЯ]:

Он натягивает простыню (стесняется своего большого и жирного тела), а Алевтина тут же замечает и засекает движение и, оттягивая угол простыни на себя, смеется (В. Маканин. Отдушина, 1977);

Сижу перед тобой почти голая, но почему-то застеснялась именно ног, пальцев (М. Шишкин. Письмовник, 2009 // Знамя, 2010);

Увидев в двух шагах от себя незнакомого парня, <...> она вдруг застыдилась своих измазанных рук и быстро спрятала их за спину (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989);

И моргал он ими постоянно <...> – будто совестился глаз своих (Е. И. Замятин. Уездное, 1912).

Стыд за другого человека, близкого субъекту, за его предосудительное поведение, недостойные поступки во многих языках получил обозначение в виде устойчивых словосочетаний или специальных лексем: *vergüenza ajena* (исп.) – в значении ‘стыд за других’; *Spanish shame* (англ.) – букв. ‘испанский стыд’ (в значении ‘смущение, стыд за другого’), особый глагол в немецком языке – *fremdschämen* – в значении ‘стыдиться за кого-н. другого’. В русском языке, наряду со сленговым обозначением *кринж* (в американском сленге его буквальное значение ‘съезживаться, содрогаться’), *испанский стыд* также получает распространение при обозначении стыда за слова и поступки другого человека (иногда его называют также «эмпатический стыд»). На уровне грамматики такое значение, как правило, требует оформления объектной позиции с помощью предлога **за**:

...и за дочь она застыдилась, и своей, и колхозной захудалости (Г. Е. Николаева. Битва в пути, 1959) [НКРЯ].

Позиция объекта при глаголах стыда далеко не всегда бывает востребована: причина стыда, смущения или неловкости, как правило, проясняется благодаря ситуации или вообще не требует особого пояснения. Ср. примеры [НКРЯ]:

Это было нехорошо, некрасиво. Срывался, потом страдал, стыдился. Так что у Зубра все было как у людей (Д. Гранин. Зубр, 1987);

*Тот, кто их записывал, **совестился**, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывал сконфуженного путешественника* (В. П. Авенариус. Чем был для Гоголя Пушкин, 1895);

*Думает не о себе, а о нем. И как по-девичьи **застеснялась!*** (Л. Зорин. Глас народа, 2007–2008 // Знамя, 2008).

Оценка субъектом самого себя, своих действий, поступков, качеств, возможна только на фоне зримого или незримого присутствия Другого. Человеку важно сравнивать себя с другими людьми, ориентироваться на мнение других. Для обозначения позиции адресата, позиции Зрителя, позиции Наблюдателя в русском языке выработан особый способ грамматического оформления: **перед кем-н.** (*совеститься, стыдиться, конфузиться, смущаться, стесняться, краснеть перед кем-н.*). В актантной рамке глаголов стыда могут быть одновременно представлены обе позиции: объекта-причины и позиция адресата-арбитра:

*Но теперь он чувствовал, что **стесняется перед дочкой своей работы*** (Д. Н. Гуцко. Праздник // Волга, 2012);

*Штейн не знакомил меня со своими родными, ибо ему перед ними было совестно за меня, – я же не познакомил бы Штейна со своей матерью, ибо **совестился бы перед Штейном за свою мать*** (М. Агеев. Роман с кокаином, 1934);

*Мужчина никогда не раскрывается перед мужчиной, как он раскрывается перед женщиной, – снова улыбнулась Дарья. – Наверное, потому, что считает ее в полной своей власти, рабыней (это живет у него под коркой, в генах), а **чего стесняться перед рабыней?** Чего притворяться перед ней кем-то другим? Кому она расскажет?* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997);

*Он оглянулся, и Чернецов подумал, что Мостовской встревожен, – видят ли пришедшие с работы, как запросто разговаривает с ним эмигрант-меньшевик. Он, вероятно, **стыдился этого перед иностранцами.** Но больше всего он стыдился перед русскими военнопленными* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1960).

Позиция адресата-наблюдателя может быть представлена и при отсутствии объектной позиции, что демонстрируют следующие примеры из корпуса [НКРЯ]:

*А тут та и другая нарушаются: **совеститься перед обществом** нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч* (Л. Н. Толстой. Крейцеров соната, 1890);

*Можно было выбрать место, какое только хотелось, <...> и ехать, ничего не заплатив, потому что некого было бояться и даже **не перед кем стыдиться*** (О. Павлов. Асистолия // Знамя, 2009);

*Кажется, я теперь единственный человек, кого она почему-то не стесняется, **перед кем не конфузится, не краснеет и не извиняется...*** (Ф. Кнорре. Каменный венок, 1973).

Позиция Наблюдателя может быть представлена метонимически в том случае, когда акцент делается не на человека как такового, а на его интеллектуальные или моральные качества:

Он полагал, что Софья смущается перед его умом и его знаниями и что никакой сердечной привязанности тут не может быть (Е. П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна, 1879);

В первое мгновение этот человек смущается перед полнотой доброжелательного внимания, ему кажется, что богатства его ума и души преувеличены, не стоят такого внимания (Ф. Искандер. Сон о Боге и дьяволе // Знамя, 2002) [НКРЯ].

Позиция субъекта, замещаемая словами, обозначающими абстрактные сущности, предполагает аналогичное заполнение и позиции адресата:

Мало того, исполненный глубокого презрения к толпе, он создает чудовищные планы, например, план города с двухъярусными улицами – верхними для благородных, нижними – для «черни, вьючных животных и нечистот», план города, «построенного согласно с точным знанием законов природы, но для таких существ, у которых совесть не смущается перед вопиющим неравенством, разделением на избранных и отверженных»... (В. М. Шулятиков. Новое искусство // Курьер, 1900).

Позиция адресата может формально не замещаться, но семантически она всегда значима, поскольку без взгляда со стороны невозможно дать себе оценку:

...после рыданий, стыдясь красных глаз, я отыскивал такого старца... (В. В. Набоков. Другие берега, 1954);

Он стыдился убогости своих соображений, – ведь и у него мелькнула мысль, что придется маяться с пропиской Ивана, мысль, что всей Москве станет известно о возвращении Ивана и событие это как-то да отзовется на его шансах при выборах в Академию... (В. Гроссман. Все течет, 1955–1963 // Октябрь, 1989);

И когда пришел Михаил Михайлович, позвал посмотреть на работы, Таня застыдилась и подозрений, и своей мелочности (С. Ф. Буданцев. Саранча, 1927) [НКРЯ].

Умение оценивать себя критически, способность стыдиться, стесняться положительно оценивается русским социумом. Особенно ярко это проявляется в резко отрицательной оценке людей, не способных смущаться, стесняться, стыдиться, на что указывают слова с негативным оценочным компонентом:

– Конечно! – не смутился молодой нахал (Е. Сафронова. Так проходит слава земная // Бельские просторы, 2018);

Дал понять, что Д. – человек не просто недоброжелательный, что он активно клеветает, не стесняется (Д. Гранин. Зубр, 1987).

Примечательно, что в том случае, если отрицательная оценка полностью затрагивает личность, оценивающую себя самого, то субъект оценки может выполнять в актантной рамке функцию и объекта, и адресата:

Карл Адамович пил сперва нехотя; потом <...> уже не переставая пил <...> по целой неделе, пока, наконец, вытрезвившись, совестился самого себя... (М. С. Жукова. Дача на Петергофской дороге, 1845);

Да не то противно, что нашалил, – сконфузился Цахилганов перед самим собою... (В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва, №11, 12, 2004).

Особую группу отрицательной самооценки представляют собой глаголы и фразеологические глагольные единицы разной стилистической маркированности со значением 'моральная неудача': *срамиться/осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, сплеховать, оплошать, опростоволоситься* (разг.), *замараться, скомпрометировать себя, ударить в грязь лицом, потерять лицо, сесть в лужу перед кем-н.* и др.

Эти глаголы, как правило, не открывают позицию для объекта негативной оценки. В позиции адресата может быть как отдельная личность, так и группа лиц, обладающих определенным социальным, семейным или гендерно значимым статусом, что демонстрируют следующие примеры [НКРЯ]:

Никто не хотел ударить в грязь лицом перед столичными гостями (С. В. Ковалевская. Нигилистка);

На всю жизнь у меня осталось яркое воспоминание о том, как я однажды оскандалился перед отцом во время чтения стихотворения Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (А. Л. Чижевский. Вся жизнь);

И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой дамой, – как он опозорился перед ней! (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь).

Собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем страшнее для него, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее значительным событием, чем опозориться перед коллегами, коллективом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо [6]. Ср. примеры из корпуса [НКРЯ]:

Тут только одна дума: не опозориться перед товарищами (М. Беляев. Пожар, 1978);

Все хотят быть обеспеченными, чтобы не ударить в грязь лицом перед белым светом (Сельская новь, 2003.11.11);

Как всякого неопытного преподавателя меня угнетало сознание недостаточной подготовленности и пробелов в знаниях, и я до смерти боялся каверзных вопросов, какие бы могли меня оконфузить перед всем честным народом (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца, 1988);

И тот смоленский паренек, прокладывавший тридцать лет назад первую борозду в Казахской степи, делал это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец (В. Захаренков. Спешу к своей ветле // Природа и человек, 1983).

Однако в исключительных случаях значимость одного или нескольких человек, особенно важных для субъекта, может превзойти мнение коллектива, даже мнение всего общества:

И мне опозориться перед этими людьми – насмешишь, стать любимцем 10 миллионов каких-нибудь, но опозориться перед Игорем Иртеньевым, моим другом – да? (А. Клейн, В. Шендерович. Пятое измерение, 2002) [НКРЯ].

Человеку свойственно не только критическое отношение к себе, нередко он оценивает себя и свои поступки высоко, иногда считает себя лучше и умнее других. Для глаголов высокой самооценки характерна иная синтагматическая модель, однако и в ней сохраняется основной признак глаголов самооценки – наличие позиции Наблюдателя. В актантную рамку глаголов положительной самооценки включается, так же, как и для глаголов недовольства собой, не только объект оценки, но и «зритель», перед которым как бы развертывается «представление»: хорошее качество или какой-либо другой предмет гордости субъекта, демонстрируется, выставляется напоказ. Признак высокой самооценки может входить в значение глаголов чувства (*гордиться, кичиться, чваниться*), глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), глаголов поведения (*рисоваться, щеголять, бравировать, козырять, красоваться, фанфаронить* и др.).

Если субъект высоко оценивает себя, то он, как правило, испытывает потребность продемонстрировать свои достоинства другим людям, чтобы добиться их высокой оценки, и, возможно, даже для того, чтобы вызвать у них чувство зависти. Эта ситуация описывается с помощью конструкции **кто/чем (кем)/перед кем**, где *кто* – субъект оценки, *чем (кем)* – объект оценки, *перед кем* – адресат, реализующийся в семантическом плане как «аудитория» или «зритель», чье мнение в определенном смысле важно субъекту:

Сергей был настолько бесхитростен и простодушен, что сверх всякой меры гордился перед каждым гостем, а паче того – гостьей, своей экстравагантной экспозицией (В. Тучков. Русская коллекция // Новый Мир, 2000);

Думая за всех, наперед зная мысли каждого, он не хвастал своим всезнанием, не гордился перед людьми и не спешил высказаться (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь, 1976) [НКРЯ].

Желание продемонстрировать окружающим атрибуты своей успешной, счастливой жизни нередко становится для человека почти жизненно важной необходимостью:

Бекетова не доучилась, вышла из седьмого (тогдашнего старшего) класса замуж за многообещающего адвоката Блока, и бабушка вспоминала, как она прибежала в гимназию хвастать перед подругами своим положением замужней дамы (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Гл. третья, 1995);

Плотно поев, бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою, <...> кто донским скакуном (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Хмурое утро, 1941);

Тонкая, острая сталь готова была коснуться груди, пронзить ему сердце, навеки лишив возможности обнимать женщин, пить вино, покупать красивую одежду, ходить в театр, восхищаться талантом Кристофера Марло и хвалиться перед друзьями знакомством с великим человеком (Ю. М. Нагибин. Надгробье Кристофера Марло, 1972–1979) [НКРЯ].

Следует отметить, что положительная самооценка, как правило, отрицательно оценивается в обществе коллективистского типа. Русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств, поэтому излишне *гордые, чванливые, спесивые* люди подвергаются осуждению: *Спесивый высоко взлетает, да низко падает* (русская пословица). Именно поэтому глаголы «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики [7, с. 351].

В русском социуме всегда считалось постыдным хвалиться своими достижениями, хвастаться своими успехами. Ср. следующие примеры [НКРЯ]:

– *Стыдитесь! вы стали завидовать бедному ребенку и хвалиться перед ней, что умеете танцевать и играть на фортепьяно. стыдно; я все расскажу князю (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова, 1849);*

Я постоянно считал себя умнее всех, которые меня окружают, и иногда, поверите ли, даже этого совестился (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, 1864);

Я со стыдом вспоминала тот ужасный вечер, когда я зазвала Леву к себе. Говорю «зазвала», потому что он стал избегать незнакомых семейств, подозревая, что я буду хвастать перед родными знакомством с сыном Троцкого (Э. Герштейн. Перечень обид, 1997);

Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать – и было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истине (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839–1841);

Ах, друг мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечтал, всегда мечтал, а не жил, гордился, толпу презирал, а чем я гордился перед людьми? и сам не знаю. Чистотой сердца, благородством чувств? (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон, 1858–1859) [НКРЯ].

Указанные позиции объекта и адресата-зрителя (слушателя) необходимы для полного, развернутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении позиции, потенциально входящие в актантную рамку глагола, могут остаться незаполненными:

А нужно ли было чураться,/И чваниться напропалую,/И лавры, кичась, пожинать,/И всю беззаботность былую/Предательски не вспоминать? (Ю. Даниэль. Письма из заключения, 1966–1970).

При глаголах поведения позиция объекта может не открываться, если она инкорпорирована в семантику глагола. Ср. примеры [НКРЯ]:

Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо (Н. В. Гоголь. Мертвые души, 1842);

В последний год его в нашей школе ему досталось наследство, двести душ, а так как у нас все почти были бедные, то он даже перед нами стал фанфаронить (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья, 1864).

В лексическом наполнении актантно-ролевой структуры глаголов самооценки нередко получает отражение своего рода конфликт оценок:

Были офицеры, которые хвалились жестокостью своего обхождения с солдатами, именно в этом видя истинную дисциплину (Е. Тарле. Наполеон);

[Юшка] стал открыто хвастаться своим бездельем и похотливостью, курить и пить, сколько влезет (И. А. Бунин. Суходол, 1911).

Глаголы *хвалиться*, *хвастать*, *хвастаться* и т. п., если исходить из их лексического значения, предполагают высокую оценку субъектом своих качеств, действий, поступков, идей, принадлежащих ему предметов, поэтому логично было бы предположить, что объектная позиция должна замещаться при этих глаголах исключительно словами с позитивной семантикой, но в данной модели, включающей оценку со стороны, как раз и происходит совмещение в одной структуре внутренней и внешней оценки: то, что люди (общество) считают *жестокостью*, хвастающийся субъект назвал бы *решительностью*, *твердостью*, *силой* и т. п. Слова *безделье* и *похотливость* тоже отражают внешние оценки, словами внутренней оценки могли бы быть *приятный досуг*, *влюбчивость*, *мужские победы* и т. п.: ср. *хвастаться мужскими победами* и *хвастаться похотливостью*.

Итак, ситуация самооценки реализуется в русском языке с помощью двух основных моделей, предназначенных для высокой и низкой самооценки. Взаимодействие лексики и грамматики на фоне значимости такого культурного фактора, как «взгляд со стороны», обнаруживает культурную «нагруженность» позиции **Перед кем**: человеку при оценке самого себя важно и необходимо обратиться к другому человеку, к коллективу. Нам нужен Другой, чтобы понять и точнее оценить себя, свои достоинства и недостатки.

Изучение актантной структуры русского глагола показало, что в широком пространстве глагольной семантики можно выделить культурно обусловленные диагностические признаки оценочного характера, которые

с большей или меньшей степенью вероятности указывают на характер синтагматического поведения глаголов, на наличие или отсутствие актантных позиций заданной семантики. Эти признаки косвенным образом связаны с национальным способом мировидения, с характером концептуализации объектов. Проблема взаимодействия лексики и грамматики в актантной рамке глагола нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
2. *Богушевич, Д. Г.* Коммуникативная модель языка / Д. Г. Богушевич // Белорусская ассоциация коммуникативной лингвистики / Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 1998. – Вып. 1. – С. 7–11.
3. *Милославский, И. Г.* О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции / И. Г. Милославский // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – № 2. – С. 373–388.
4. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.] ; общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1999. – XV, 895 с.
6. *Богданова, Л. И.* Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) / Л. И. Богданова // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – № 4. – С. 844–873.
7. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры: Вост. лит., 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

СОШ – *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 23.10.2020.